

А. Г. Степанов
Тверской государственный университет

**Цыганское как русское в книге «Версты»
(стихотворения 1917–1920 годов)**

«В тебе материал десяти поэтов и сплошь – замечательных!..», – вспоминала Цветаева слова Волошина, который настойчиво советовал ей напечатать стихи о России от лица какого-нибудь вымышленного поэта. «Ты увидишь... как их через десять дней вся Москва и весь Петербург будут знать наизусть». Эта избыточность дара, «преткнувшаяся о скалу... немецкой протестантской честности, губительной гордыни всё, что пишу, – подписывать» (IV, 174–175), осознавалась и самой Цветаевой. «Я – многие, понимаешь? Быть может, неисчислимо многие! (Ненасытное множество!)», – признавалась она в письме к Рильке (VII, 64).

Не удивительно, что «нищей и тесной» жизни, «как она есть», Цветаева противопоставила искусство. «Я не люблю жизни как таковой, – пишет она Анне Тесковой, – для меня она начинает значить, т.е. обретать смысл и вес – только преображенная, т.е. – в искусстве» (VI, 344). В письме к Ариадне Черновой она развивает эту мысль: «Всякая жизнь в пространстве – самом просторном! – и во времени – самом свободном! – *тесна*. Вы не можете, будь у Вас в руках хоть все билеты на все экспрессы мира – быть зараз и в Конго... и на Урале и в Порт-Саиде. Вы должны жить *одну* жизнь, скорей всего – Вами не выбранную, случайную. <...> В жизни, Аденька, *ни-че-го* нельзя, – nichts – rien. Поэтому – искусство... *Из этого* – искусство, *моя* жизнь, как я ее хочу, не незаконная, но подчиненная высшим законам, жизнь на земле, как ее мыслят верующие – на небе. Других путей нет» (VI, 670).

Еще в «Вечернем альбоме», создававшемся под впечатлением от «Дневника» Марии Башкирцевой, семнадцатилетняя Цветаева «жаждет сразу – всех дорог», пребывая в состоянии полудетского эмоционального сумбура («Молитва»):

Всего хочу: с душой цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой...¹.

(I, 32)

Затем в «Юношеских стихах» она пытается прочертить свою родословную. Сохраняя установку на поэтизацию судьбы, она отбирает лишь то, что подчеркивает ее социально-этническое изгойство:

Какой-нибудь предок мой был – скрипач,